

правительство так и не пошло на принятие законодательства в приемлемом для кооператоров варианте. Проблема отчасти была решена после Февральской революции, когда кооператорам предоставили возможность созыва общероссийских съездов с постоянно действующими исполнительными органами. Однако и в это время российская кооперация не стала свободной и независимой, превратившись в значительной мере в снабженческо-распределительный аппарат Временного правительства.

Хозяйственная деятельность кооперации играла все более заметную роль в экономической жизни страны. Доля потребительных обществ в общероссийском торговом обороте в 1917 г. достигала 10% (с. 369). В целом кооперация, прежде всего сельскохозяйственная, существенно содействовала ослаблению зависимости мелких производителей от гнета крупного капитала, избавляя крестьян от необходимости реализовывать свою продукцию по низким, порой убыточным ценам и помогая приобретать качественные товары по доступной цене. Очевиден вклад кооперации и в формирование из крестьянства «среднего класса», призванного стать основой нового, гражданского общества. Впрочем, успехи на этом поприще оставались достаточно скромными, поскольку инициативы руководства кооперативного движения не получали поддержки рядовых членов.

Подводя итог своему исследованию, Корелин обоснованно замечает, что кооперация не стала панацеей для дореволюционной России. Возможности подавляющего большинства низовых кооперативных объединений оставались довольно скромными. Слишком малый срок, всего около 10 предвоенных лет, отвела история российской кооперации на развитие в нормальных мирных условиях. В годы же войны, особенно после Февраля 1917 г., «она в значительной мере выполняла лишь снабженческо-распределительные функции, предоставленные ей правительством, не сумев в силу как собственной слабости, так и объективных причин сколько-нибудь существенно повлиять на нарастающий политико-экономический кризис» (с. 372). В последующем, в советский период, это зависимое от государства положение кооперации сыграло немалую роль в ее огосударствлении, постепенному выхолащиванию кооперативных принципов деятельности. Как показало проведенное А.П. Корелиным исследование, дореволюционный опыт России, воспринятый критически и с поправкой на изменившиеся условия жизни страны, может и должен быть востребован Россией современной, если она действительно стремится к модернизации своей экономики.

Ю.А. Петров, доктор исторических наук
(Центральный банк Российской Федерации (Банк России))

А.Ю. Володин. История фабричной инспекции в России, 1882–1914 гг. М.: РОССПЭН, 2009. 207 с.

Рецензируемая монография А.Ю. Володи-на отражает интерес современных историков к государственным институтам дореволюционной России. Она посвящена истории фабричной инспекции, учрежденной в России в 1882 г. для надзора за исполнением фабрично-трудового законодательства в ведомстве Министерства финансов, а в 1905 г. переданной вновь созданному Министерству торговли и промышленности. Фабричная инспекция осуществляла не только технический контроль за промышленными предприятиями Европейской России, но и играла важную роль посредника между рабочими и предпринимателями. Поэтому обращение к истории фабричной инспекции освещает важные проблемы, относящиеся к развитию трудового права в промышленном производстве, а также трудовых отношений, конфликтов и протестного рабочего движения на рубеже XIX–XX вв. Историография фабричной инспекции царской России насчи-

тывает немало работ, большая часть которых появилась еще до революции, в период становления института фабричных инспекторов (труды Я.Т. Михайловского, В.П. Литвинова-Фалинского, А.А. Микулина, М.Г. Лунца и др.). Советские историки активно использовали в своих работах статистические обследования промышленности, проведенные фабричной инспекцией, но в вопросах, относящихся к ее посреднической деятельности между рабочими и предпринимателями, они должны были придерживаться классового подхода. В результате, упускались сюжеты о живом и деятельном участии фабричных инспекторов в предупреждении трудовых конфликтов, в мирном урегулировании отношений рабочих и предпринимателей, и все сводилось к критике деятельности фабричной инспекции, как еще одного полицейского учреждения. При этом в отечественной историографии изданные еще в 1950-х гг. книги И.И. Шелымагина и А.Ф. Вов-

чика до появления монографии Володина оставались единственными специальными исследованиями, посвященными фабричной инспекции, тогда как зарубежными учеными эта тема успешно разрабатывалась и разрабатывается.

В книге Володина анализируются разные типы источников от законодательных актов и материалов ведомственной статистики до отчетов и воспоминаний фабричных инспекторов. Многие из них ранее не вводились в научный оборот. Это прежде всего делопроизводство фабричной инспекции, а также документы ряда центральных и местных органов власти, сохранившиеся в фондах РГИА и ГА РФ. Так, Володиным был тщательно проработан фонд участкового фабричного инспектора Московской губ., хранящийся в Центральном историческом архиве г. Москвы (ЦИАМ). Профессиональное изучение этих материалов позволило не только представить историю возникновения и развития фабричной инспекции в дореволюционной России, но и сделать важный шаг в направлении к когнитивной психологии, представляя посредническую деятельность инспекторов как важный элемент повседневности¹. Большой интерес книга Володина вызовет и у исследователей местных учреждений царской России.

Структура монографии логична и позволяет компактно раскрыть поставленные автором задачи. Треть книги составляют приложения, раскрывающие те условия фабрично-заводской жизни, с которыми сталкивались инспекторы, вынужденные вникать в тысячи жалоб рабочих, порою оказывавшихся в безысходном положении (с. 195). По наблюдению И.М. Пушкаревой, гуманизация общественных наук в последнее десятилетие заставляет историков все чаще не просто фиксировать численный рост трудовых конфликтов, но и проникать в глубину породивших их процессов². Жалобы рабочих автор рассматривает как один «из узловых элементов взаимоотношений рабочих с предпринимателями» (с. 51). Детально прослеживая развитие нескольких конфликтов на предприятиях в Московской губ., Володин выявляет внутреннюю логику действий жалобщиков, поводы жалоб, основные причины и условия их подачи. В монографии впервые представлена динамика «жалобного движения» среди рабочих (с. 134–143). Всестороннее рассмотрение жалоб, в том числе с помощью контент-анализа, позволяет глубже понять трудовой конфликт как социальное явление. Исследование Володина корректирует сложившийся образ российского пролетария, в книге он выступает «жалобщиком» даже при коллективных протес-

тах (с. 139). Это указывает на характер массовых отношений рабочих и работодателей, что не должно оставаться в тени при изучении «деловой культуры российских предпринимателей», которой сегодня уделяется большое внимание³.

Володин впервые в отечественной историографии осуществил комплексный анализ институционального становления и преобразования фабричной инспекции, формирования ее личного состава, развития функциональной деятельности инспекторов. Автор пришел к выводу, что в начале XX в. было сформировано прочное ядро фабричной инспекции, в котором выделялись яркие личности, вынесшие все трудности надзора за промышленными заведениями и улаживания отношений фабрикантов и рабочих. Трудности эти были связаны с комплектованием местных кадров инспекции (с. 48), с установлением взаимодействия с полицией (с. 65–67), с межведомственной борьбой в правительстве (с. 68–71), недостатком денежных средств, а также с ограниченностью сведений о реальном положении на предприятиях. В книге по-новому поставлен вопрос о роли и значении посреднической деятельности фабричной инспекции во взаимоотношениях рабочих и предпринимателей. В историографии она оставалась в тени или сводилась к полицейским функциям, в соответствии с ленинской оценкой инспекторов как «фабричных урядников»⁴. Как показывает исследование Володина, «участковые фабричные инспектора ответственно относились к разбирательствам жалоб и просьб, внимательно расследовали малейшие недовольства и старались привести стороны к конструктивному решению» (с. 147).

Сожаление об упущенных возможностях мирного урегулирования столкновений между рабочими и предпринимателями, которое разделяет автор, было характерно для либеральной публицистики. Однако изучение деятельности фабричной инспекции во Владимирской губ. свидетельствует о том, что в неудачном посредничестве не было «вины» инспекторов. Закон 3 июня 1886 г. значительно расширил их функции, и автор справедливо отмечает, что они пользовались предоставленными возможностями, осуществляя надзор за заводами и вникая в возникавшие трудовые конфликты (с. 49). Фабричные инспектора не изменили своему делу и в 1905–1907 гг. Вместе с тем нельзя не согласиться с Володиным в том, что «пробуксовка» работы фабричных инспекторов во многом зависела от инструкций и разъяснений к законодательным актам, а сама «фабричная инспекция укоренилась в бюрократической системе Российской империи в

качестве важного элемента реализации промышленной политики правительства» (с. 143). Дополнительные постановления и распоряжения центральных органов власти серьезно корректировали законы о фабричном труде, ограничивая самостоятельность фабричных инспекторов и направляя их деятельность в общее русло внутренней политики.

Дальнейшее изучение хорошо сохранившихся в местных архивах материалов губернаторских канцелярий, окружных судов, судебных палат, губернских жандармских управлений может существенно дополнить представления о посредничестве фабричных инспекторов в острые моменты стачек. Поведение инспекторов было все же далеко не однозначным и часто зависело от позиции центральной власти и важности для нее охваченных стачками фабричных округов, обладавших к тому же своей производственной спецификой и различным составом наемной рабочей силы. Местный фактический материал, собранный в книге Володина, отражает прежде всего реалии Московской губ. Использование документов областных архивов даст возможность для появления перспективных компаративных работ, оживления локальных и региональных исследований³. Более пристального внимания и специального источниковедческого анализа требует также систематизация циркуляров фабричной инспекции. Известно, что в результате решения каждой научной проблемы возникает не менее двух новых, столь же сложных, исследовательских вопросов. Это происходит и

при чтении монографии А.Ю. Володина и в этом ее бесспорная удача и значение для исторической науки.

**С.Р. Глазунов, кандидат исторических наук
(Владимирский государственный
гуманитарный университет)**

Примечания

¹ О важности исследований в этой области см.: «Круглый стол» по книге О.М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории» // *Российская история*. 2010. № 1. С. 131–166.

² *Пушкарёва И.М.* Новые подходы к изучению конфликтов рабочих и предпринимателей в дореволюционной России // *Россия и мир. Памяти профессора Валерия Ивановича Бовыкина: Сборник статей*. М., 2001. С. 295.

³ *Поткина И.В.* На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых, 1797–1917. М., 2004; *Бородкин Л.И., Валетов Т.Я., Шильникова И.В.* Деловая культура российских предпринимателей в их отношениях с рабочими // *Вестник РУДН. Сер. История России*. 2008. № 4. С. 72–92; *Корнюхова Г.Г.* Практика «избыточного труда» и неготовность к «избыточному производству»: к проблеме методов исследования деловой культуры мусульманских предпринимателей России конца XIX – начала XX в. // *Вестник РУДН. Сер. История России*. 2008. № 4. С. 93–104; и др.

⁴ *Ленин В.И.* Новый фабричный закон // *Ленин В.И. ПСС*. Т. 2. С. 294.

⁵ *Пушкарёва И.М.* Возвращение к забытой теме: массовое рабочее движение в начале XX века // *Отечественная история*. 2007. № 3. С. 101–120.

А.С. Туманова. Общественные организации и русская публика в начале XX века. М.: Новый хронограф, 2008. 328 с., ил.

Книга А.С. Тумановой, несомненно, принадлежит к числу наиболее актуальных исследований по российской истории Нового времени. Она актуальна и по теме, и, главное, по постановке и способу решения рассматриваемых проблем. Как справедливо отмечает автор в предисловии (включаяшем историографический обзор и характеристику источников), в советское время изучение истории общественных организаций не привлекало к себе особого внимания. Это было связано даже не столько с «классовым подходом», сколько с тем, что общественные организации либо составляли неотъемлемую часть либерального движения (а к нему партийные идеологи относились резко отрицательно, сходясь в этом с крайними консерваторами как дореволюционными, так и современными), либо свидетельствовали

о продуктивности «малых дел», которые неизменно осуждались революционерами и их не вполне законными наследниками позднесоветской эпохи. Поэтому изучение данной темы с большим трудом пробивало себе дорогу в исторической науке. Со временем оно стало возможным как продолжение исследования истории государственных учреждений, которое также не считалось приоритетным, но смогло утвердиться (прежде всего, благодаря трудам Н.П. Ерошкина) в качестве вспомогательной исторической дисциплины. Ее необходимость диктовалась потребностью в разработке истории фондообразователей как одного из главных методов архивной эвристики. Не случайно первым серьезным исследователем общественных организаций дореволюционной России стал преподаватель Московского